

СЕРГЕЙ
ГЕРАСИМОВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
МОНСТРА

ЗВЕЗДНЫЙ

НАСКОР

Сергей Владимирович Герасимов

День рождения монстра

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156337

Содержание

1	4
2	12
3	21
4	23
5	26
6	28
7	32
8	33
9	43
10	47
11	50
12	53
13	56
14	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Герасимов

День рождения монстра

1

Лето 2109 года.

Информация:

Многочисленные жители Осии, хронологически первые образовавшие на Земле колонию искаженных существ, внешне мало чем отличались от стандартного вида *Homo Sapiens Normalis*. Они не так и не присоединились к ЛИС (Лиге искаженных существ), так как считали, что Лига должна присоединиться к ним. В свое время по этому поводу было много споров, которые ни к чему не привели. Осиане считались существами, наименее искаженными и наименее интересными. А одними из самых искаженных были изменяющиеся, или иначе, оборотни.

Порода оборотней первоначально выводилась специально в интересах шоу-бизнеса.

Было время, когда человек, прямо на сцене превращающийся в большого волка или в огромную летучую мышь, собирал полные залы. Билл Карон, первый в мире исполнивший номер с превращением в мышь, был награжден орденом Почета. Впрочем летучая мышь лишь хлопала крыльями, но

не могла взлететь. Человек массой, к примеру, семьдесят килограмм, мог превратиться в некоторое подобие животного – но только того же веса, семьдесят килограмм. Сходство с животным было в основном внешнее: превратившейся в птицу не мог летать; превратившийся в рыбу не мог дышать под водой; превратившийся в дракона не мог извергать огонь.

Вдобавок изменение внешности совершалось медленно (например, ни один из профессиональных артистов этой породы не сумел превратиться в волка быстрее, чем за полчаса), а потому мода на выступления оборотней быстро пошла на убыль. В начале восьмидесятых вымерли последние театры превращений и большинство оборотней остались не у дел. Некоторые из них проявили незаурядные криминальные таланты: они подделывали чужую внешность, отпечатки пальцев и форму зубов и т. д. В результате этого был принят закон, обязующий каждого изменяющегося носить на правом запястье информационный браслет. Снова поднялись споры о правах человека и правах разных человеческих пород, и снова эти споры закончились ничем.

Была попытка государственного переворота в Малазии, когда оборотень захватил президента республики и принял его внешность. Электронные системы распознали подделку лишь восемь дней спустя. Настоящий президент все это время был прикован наручниками к рельсу в заброшенной шахте на глубине трехсот метров; он так и не пришел в себя потом и не избавился от привычки лизать железные предметы

в темноте (он сумел выжить, лишь слизывая капли росы с рельса).

Поговаривали, что многие важные политики и знаменитые люди на самом деле являются не собой, а искусными подделками. Может, так оно и было, но точно ведь не проверишь.

Особо много оборотней было среди малолетних деликвентов и проституток (до тех пор, пока проституция не исчезла полностью); юные преступники не носили браслетов, подделывали внешность своих богатых знакомых, проникали в дома и совершали крупные кражи. Такие же ребята, но постарше, отрачивали себе громадные мышцы и занимались боевиками в многочисленные банды малолетних.

Некоторые притворялись привидениями и выпрашивали подачки у своих якобы родственников. Были такие, что воровали детей, принимая внешность их родителей.

Оборотни-проститутки пользовались большим спросом, потому что все они имели одинаковые фигуры – самые лучшие, которые только может себе представить мужчина.

Они ведь полностью контролировали формы своих тел. Говорили, что некоторые из них могут предоставлять клиентам такие удовольствия, о которых даже подумать страшно, но никто не знал, правда ли это. Были такие, которые прямо в постели превращались в мужчин, мальчиков, девочек, различных животных или в подобия мертвых тел – чтобы потрафить любым необычным вкусам клиента. Проститут-

ки обычно носили платья трех фасонов: укорачивающиеся под мужским взглядом, сужающиеся под мужским взглядом (чтобы подчеркнуть фигуру), и такие, которые становились прозрачными под мужским взглядом. Причем, чем сильнее был взгляд, тем прозрачность или укорочение платья было сильнее. Если мужчина горит от страсти, то платье исчезает вообще. Интересно, что такое полезное изобретение было предсказано еще в двадцатом веке. Все это привело к тому, что оборотней стали считать людьми низшего сорта.

Никто и не заметил как и когда это началось, но общение с оборотнем стали считать позором. Оборотни не получали образования (даже отлынивали от обязательного ускоренного), оставались без медицинской помощи, жили как животные, размножались и умирали тоже как животные. Женщины продолжали рожать, как в древности, а мужчины страдали от ишемии, переедания и других давно побежденных болезней. Некоторые даже имели нездоровые зубы. Оборотней не любили. Их унижали, избивали, изгоняли, изничтожали всеми возможными способами.

Впрочем, некоторые из них, особо добропорядочные и не слишком притязательные, получали университетские степени и занимали относительно высокие посты. Но то были лишь единицы. Даже таким приходилось общаться лишь друг с другом – никакое общество оборотня не принимало. Профессора права Р. Папалоти забили до смерти его собственные студенты в раздевалке университетского стадиона,

когда узнали, что он был оборотнем – и расследования инцидента не проводилось. Говорили еще и о том, что всех шпионов готовят из числа оборотней, но поди проверь, правда ли это.

В 2077 было закончено строительство большого искусственного острова в Атлантике. Остров назвали Силенд; он тянулся вдоль Атлантического Хребта, расширяясь к югу; его площадь была в точности равна площади Гренландии. Морским перевозкам остров не мешал, потому что таковые к тому времени полностью прекратились. На Силенде была организована прекрасная тропическая природа, но местом дорогих курортов остров не стал. В результате длительных переговоров здесь была основана центральная колония Человека Изменяющегося. На территории колонии оборотни имели право не носить браслетов. Что они и делали.

В сущности, изменяющиеся не были чистопородными людьми; они представляли собою гибрид человека и механизма. Еще в начале двадцать первого был создан первый кибернетический вирус с молекулярными цепочками. Тот вирус представлял собой предельно миниатюрный компьютер, совершенно бесполезный, впрочем, так как требовал для своей работы постоянного охлаждения в жидком гелии, и очень неудобный из-за своих малых размеров. Намного позже подобный прибор, но еще более миниатюрный, попробовали встроить в человеческую хромосому – и результат превзошел любые ожидания. Тогда (а именно, в сентябре трид-

цать второго), родился на свет первый оборотень – человек, в геноме которого содержалась информация о внешности примерно миллиона реально существующих видов животных, и столько же – о несуществующих.

Человек изменяющийся умел по собственному желанию принять облик практически любого живого существа. Для этого ему нужно было лишь сосредоточиться и представить себе желаемый внешний вид. Но большинство изменяющихся старались вовсе не меняться и выглядеть неотличимо от Homo Normalis. Некоторые даже сочетались браком с обыкновенными людьми (только до принятия закона о браслетах). Например, супруга популярнейшего ныряльщика в глубину Джозефа Дичи оказалась изменяющейся. Но полностью скрыть свою сущность оборотню не удавалось никогда: его выдавали сны. Спящий оборотень медленно, но постоянно изменялся – в зависимости от того, что он видел во сне; заснувший человеком, он мог проснуться большой ящерицей или кошкой. Порнозвезда Джулия Феррамоти сошла с ума после того, как проснулась ночью и вместо мускулистого мужчины обнаружила в постели кольчатого червя. По мотивам этой истории даже сняли фильм. В фильме червь извивался и ядовито блестел в свете прожекторов – чего на самом деле, конечно, не было.

Кибернетический вирус, размещенный в хромосоме, не уничтожался со смертью оборотня-носителя, а еще несколько лет свободно существовал в природе. Попадая в приро-

ду, он проникал в корни растений, через растения – в желудки животных и снова встраивался в хромосомы, теперь уже не человеческие. К концу девяностых природа Силенда была настолько заражена, что последние любопытные отказались от визитов туда. Туризм вымер, сошел на нет. Лианы оплетали до самых крыш некогда роскошные отели; искусственные водопады и фонтаны забивались песком и разводили тропических амфибий разного пошиба; в пустых комнатах селились птицы, безглазые грызуны подтачивали подвальные опоры, сквозь крыши прорастали деревья – из семян, занесенных сюда теплыми и влажными ветрами.

Тропическая природа Силенда, зараженная вирусом изменения, медленно, но неуклонно менялась, уходя в сторону от первоначального земного образца – от высоких широколистных пальм, магнолий, лотосов и прочего. Уже вымерли последние обезьяны, неизвестно почему неприспособившиеся к вирусу изменения; уже поговаривали о том, что в пещере под Криндзой нашли живого птеродактиля и сразу же убили, на всякий случай; уже картофель, банан, лимон и китайский лимонник стали безусловно ядовитыми, а остальные овощи признали ядовитыми условно.

Единственный большой остров Земли, на котором было решено сохранить естественную природу, изменился так сильно, что ни одного естественного вида там не осталось.

А в девяносто девятом природа острова совершенно неожиданно создала первого кибермонстра, сокращенно

СМ1, а затем еще нескольких.

2

Кибермонстр всегда рождается из яйца. Это доказано многочисленными находками кусочков скорлупы в тех местах, из которых он появлялся. Судя по кривизне и толщине осколков, яйцо бывает от двух до четырех метров в большем диаметре и зарождается в глубине почвы. Зародившись, оно медленно растет и нагревается. В последние часы перед рождением монстра люди чувствуют беспричинный страх; дети плачут, мелкие млекопитающие разбегаются кто куда, в домах трескаются стеклянные предметы, останавливаются часы, гибнет плесень и сами собою засвечиваются фотопленки. В последние минуты перед его рождением приборы фиксируют инфразвуки, ультразвуки, перистые облака и повышение уровня сахара в крови больных энцефалонекрозом. В момент рождения температура яйца становится такой высокой, что частицы почвы плавятся. Такие оплавленные корочки также находят в местах рождения кибермонстра. Уже возникла профессия охотников за скорлупой монстра и за корочками земли с места его рождения – эти редчайшие предметы можно продать по заоблачным ценам. Довольно большой кусок скорлупы будет выставлен следующей весной на Лондонском аукционе.

Кибермонстр рождался уже четвертый раз, но только сейчас событие сумели заснять. Уменьшенное объемное изоб-

ражение висело над столом. В кабинете было темно: поляризационные окна, повинаясь команде, стали непрозрачны. В кабинете было совершенно тихо, так тихо, что человек с браслетом время от времени вздрагивал от ощущения тишины – такой тишины не бывает в природе, она страшна непривычному уху – просто включена система интерференционного гашения шума.

Звуковой анализатор записывает каждый квант звука, производимого посетителем – записывает и извлекает из записи бездну нужной и ненужной информации. Все самое важное, в том числе информация о посетителе и степень правдивости произносимого, изображается на овальном синем экране. Сейчас посетителю страшно. Это не совсем страх, это страх-радостная-тревога, с примесью предвкушения и сожаления о прошедших днях. Человек с некодированной психикой всегда имеет слишком много эмоций. Многим бывает страшно в таком кабинете. Кабинет номер 2045. Этот кабинет в управлении Коре получил в свое распоряжение только в апреле и еще сам не успел привыкнуть к новому месту. Итак, камера сняла рождение четвертого монстра.

Камера развернулась, давая панораму: высокие, преувеличенно живые кусты – с мясистыми листьями, похожими на зеленые языки, с толстыми мягкими ветвями; вот солнце попало в объектив и брызнуло полукругом радужных искр; в кабинете стало светлее, пробежали световые язычки по фиолетовому металлу панелей; желто-зеленая крона, посыпан-

ная кусочками света сверху и влажная, как живая глотка, снизу.

Еще ниже все оплетено паутиной, чистой и росистой. Силенд. Чересчур буйная природа, – подумал Коре, – как в каком-нибудь Мезозое. Не удивительно, что здесь рождаются всякие кусучие динозаврики.

– Это все настоящие растения? – спросил он.

– Конечно, – ответил человек с браслетом и положил руки между колен.

Человек с браслетом постоянно менял позу. Это у него нервное, – подумал Коре и сверился с экраном, – эти изменяющиеся, они там сосем дикари. У них и нормальной медицины нет.

Сегодняшний посетитель был необычен. Не потому, что он не был чистопородным Ното, а потому что его появление сразу пробудило странное, но очень отчетливое чувство – будто стоишь между двух зеркал и вглядываешься в бесконечность отражений, и находишь там формы и образы движущихся существ – тех, которые живут и могут жить только там, в пространстве бесконечных отражений. Это ощущение никогда не обманывало, оно говорило о вмешательстве внешней силы. Впервые он ощутил внешнюю силу семь лет назад, выполняя опасное задание в Осии, и с тех пор она изредка соприкасалась с его жизнью.

Человек с браслетом дважды отчетливо цокнул зубами. Камера показывала паутину крупным планом.

– А пауки? – спросил Коре.

– Тоже живые.

– Ядовиты?

– Слегка.

– Что значит «слегка»?

– У нас многое слегка ядовито; я это объясняю, что... – человек с браслетом не закончил фразы.

Этот человек напоминал ящерицу, но не костистостью или вытянутым профилем, а чем-то иным, почти неуловимым. Тяжелый взгляд, очень толстая кожа век; рот без губ и глубокие складки будто продолжают его далеко вниз и назад; иногда приоткрывает рот и медленно проводит языком и в эти моменты еще более напоминает ящерицу. Морщин мало, а те, что есть, глубоки. Лет около сорока. Брови густые, нависают, переносица провалена – от этого кажется, будто брови постоянно нахмурены. Глаза серые, блеклые; из под века видна лишь нижняя половина радужки.

Медленно мигает – снова как ящерица. Подбородок вперед, есть в этом и воля, и глубоко скрытая злобность. Все время прицокивает зубами. Кожа красная, в кровавых прожилках. Уши большие, в щетине – заметно, что их часто стригут. Кисти пухлые, короткопалые, будто отечные, все в рыжей мягкой шерсти. Лицо сразу запоминается: каждая его деталь преувеличенно выпукла, как будто насильно втиснута из четвертого измерения в третье, но не оставила надежды вернуться обратно. Как бы ты выглядел, если бы не сдержи-

вался? – подумал Коре.

Человека с браслетом звали Хост Хо.

Хост Хо. Изменяющийся. Сорок два года, – сообщал экран. – Образование ускоренное и специальное. Интеллект средний. Информация о месте работы стерта. Имеет навыки военной и диверсионной работы. Отличный стрелок.

Эмоционален. Скрытен. Вредных привычек нет. Психокодировки стерты. Семьи нет. Настойчив. Чересчур настойчив. Болезненно настойчив. Постоянен в мыслях и чувствах. Последние двенадцать лет жил с одной и той же женщиной. Женщина исчезла три месяца назад. Имеет легкое повреждение коры мозга. Повреждение скомпенсировано, но сказывается на характере. Сентиментален. Отчетливая склонность к фанатизму. Имеет четыре ранения, три из них – тяжелые.

Была еще одна причина, по которой шпионов набирали из оборотней: изменчивое тело быстро восстанавливается после ранения.

Коре перевел взгляд на изображение.

Почва на тропинке вздрогнула. Вот, начинается. Над тропинкой завился дымок и пятно травы быстро прожелтело. Почва вздрогнула снова и приподнялась. Большая птица, крикнув, вылетела из тени и села на осевшую ветвь, склонив голову набок, удивленным глазом посмотрела на происходящее. Взлетела, ударив крыльями листья, – капли влаги плеснули паром, будто упали на горячую сковороду. Загорелись сухие блинчики.

– Пожаров от этого не бывает? – спросил Коре.

– У нас слишком влажные леса.

Сухой грунт вздыбливался, ломался, раздвигался – вот уже показалась лимонно-желтая, с синеватым отблеском, скорлупа громадного яйца; быстрая ящерка набежала на объектив и на мгновение закрыла его; яйцо уже было видно наполовину.

Из-за деревьев вышел человек и попробовал приблизиться. Он закрывал лицо ладонью, укрываясь от жара. Не дойдя нескольких метров до яйца, он снял со спины автоматическое оружие довольно устарелого образца (j1f15, отметил Коре, элементарный скорострельный полуавтомат с выключаемой самонаводкой) и выстрелил в живой гладкий холм. Содержимое лопнувшего яйца вспенилось, растеклось лужицей и начало быстро впитываться в грунт. Но тогда о чем же мы говорим?

– Значит, его уничтожили?

– Подождите немного, пожалуйста.

Человек выпустил длинную очередь и, подождав, еще одну. Осколки скорлупы взлетали на уровень крон, медленно вращаясь. Человек следил за ними жадными глазами – еще бы, такое богатство. Камера следила за осколками в автоматическом режиме – камера сама наводилась на любой движущийся предмет. Человек повесил оружие за спину и пошел в сторону камеры. Он расстегнул воротник так, что стала видна незагорелая полоска кожи на его груди. Подойдя к

камере, он присел на траву. В это мгновение почва вздрогнула снова, раздвинулась, дерево упало и вспыхнуло. Горстка мелких камешков налетела на экран и осыпалась. Возвышаясь головой над деревьями, весь в блестящей черной чешуе, с застывшим взглядом и полуоткрытой пастью среди леса стоял совершенно невредимый взрослый кибермонстр СМ4. На этом запись прервалась.

– Я не рассмотрел зверька, – сказал Коре, – но мне кажется, что он не слишком страшен, просто он очень большой и зубастый. До современного танка ему ведь далеко.

– У нас нет современных танков, – ответил Хост Хо, – вы же об этом знаете.

Оружие на острове было запрещено, собственной армии и полиции оборотни не имели. За порядком следили около сотни наблюдателей со стороны – по одному человеку на район. Один из таких наблюдателей и снял рождение кибермонстра.

– Вы просите слишком много, – сказал Коре. – Ловить его мы, конечно, не станем. Это слишком дорогая операция. А уничтожить поможем. Вы говорите, он свиреп?

Хост Хо помолчал, наклонив голову.

– Вы слышали вопрос?

– Он нападает на людей.

– Может быть, они его провоцируют?

– Он нападает на людей и вырезает всех подряд. Никто не может спастись.

Никто и никак. Поэтому я и пришел к вам.

– Почему именно вы?

– Потому что никто другой не хочет этим заниматься. У вас есть мечта?

– Нет.

– У меня есть и она единственная. Я хочу убить его.

– Вы романтик или фанатик?

– Только фанатик может сразиться с драконом и победить.

Просто я очень хочу этого. Мне приходилось много страдать. Мне было очень больно. Два раза случалось так, что меня просто сшивали по кусочкам. Я знаю, что такое боль и страх. И я умею чувствовать чужую боль. Когда кто-нибудь гибнет там, на моей родине, в зубах зверя, я не могу оставаться спокойным. Если нужно, я мог бы отдать жизнь, чтобы сразиться с ним и победить его. Я мог бы пожертвовать состоянием, здоровьем, уважением окружающих и всем прочим – это не пустые слова.

Я почти месяц добивался приема у вас здесь. Вы думаете, что это просто – пробиться к вам, мне, человеку с браслетом?

Он поднял руку и потряс браслетом в воздухе.

– Не кричите, пожалуйста. Вы сказали «в зубах зверя». Он питается мясом?

– Я не знаю.

– Что случилось с вашей женщиной?

– Она покончила с собой.

– По какой причине?

– Из-за недоразумения.

Повисла пауза.

– А, кстати, что случилось с предыдущими тремя СМ? – спросил Коре.

– Они умерли.

– Вот как?

– СМ и рождается, и умирает сам, – сказал Хост Хо и сделал знак рукой, значения которого Коре не понял. – Так было до сих пор, но я хочу изменить этот порядок.

3

Место, в котором родился новый СМ, было отличительным лишь в одном отношении: примерно здесь потерпел аварию медицинский беспилотный аппарат типа Бринж. Авария произошла за сорок два дня до рождения монстра. Беспилотник потерял управление из-за сильной грозы, врезался в скалу, но не упал, а протащился по воздуху еще километров пятьдесят, а только после этого свалился.

Его электронные системы любили жизнь и считали себя живыми – это повышало надежность рейсов. Наблюдатель, заснявший рождение СМ, был, собственно, послан именно на место аварии. Предполагалось, что здесь могли сохраниться большие запасы медикаментов. Но найти лекарства человек не успел. Человек засек рождающегося монстра и решил использовать такой шанс. Если бы он остался жив, то стал бы миллиардером. Тот медицинский аппарат был грузовым и занимался срочными перевозками препаратов. Галлюциногены, обезболивающие, регенеранты, стимуляторы иммунитета и восемьсот литров свежей крови для переливаний.

Центральный процессор найденного беспилотника оказался жив, он пролежал сорок два дня в надежде вновь увидеть людей. Никакой полезной информации процессор не сохранил. Когда его бросали в плавильную печь, он посылал

SOS на всех диапазонах. Никто ведь не любит умирать.

Больших поселений поблизости не было – сплошные джунгли, да еще и объявленные национальным заповедником. Возможно, лекарства и химикалии, смешавшись с почвой, спровоцировали зарождение яйца. Это интересно было бы проверить. Еще интересней было бы узнать комбинацию условий, которые создали монстра. Потом создать те же условия в лаборатории, получить и вырастить несколько экземпляров чудовища. Потом разобрать эти экземпляры почти по молекулам и скопировать новые свойства в технических устройствах. А потом – как водится: тем ядом подпитать свои отравленные стрелы и смерть соседям разослать – как там, у древнего поэта?

Этой весной Коре прошел последний этап нейропрограммирования, получил собственный кабинет в управлении, неограниченный кредит военного банка и право набрать собственную группу второй ступени. По шкале ММИНЕ его личная ценность теперь равнялась девяноста семи – это означало, что его жизнь была столь же ценна, как и жизнь девяноста семи условных стандартных граждан. Это значило, что в случае боевых действий например, ради спасения его головы командование (электронное, как это бывало чаще всего) пожертвовало бы головы девяноста шести человек, но никак не девяноста восьми. Столь высокую ценность Коре приобрел в результате непрерывного обучения и боевой подготовки. Это накладывало определенные обязанности, но и давало почти неограниченные права в гражданской сфере. Например, он имел право приказать любому гражданину, имеющему личную ценность не выше пятнадцати и применить силу в случае сопротивления приказу.

Правда, он был запрограммирован на подчинение, на непричинение бессмысленного вреда, на выполнение служебного долга и против любых вредных привычек. Без этих программ невозможно продвижение по службе.

Он попросил посетителя подождать и переслал все данные в центр. Еще минут пять или семь – и электронный мозг

сформулирует задание, еще четверть часа – и это задание утвердят. Или не утвердят, что тоже возможно. Каким бы ни было задание, Коре его выполнит – или забудет, если будет приказано забыть.

Уничтожить кибермонстра совсем не сложно. Для это не нужно даже применять сверхсовременные методы, достаточно и одной ракеты, наводящейся со спутника. Такая ракета, выпущенная где угодно – в Антарктике Японии или на Луне, обязательно найдет свою жертву, где бы та ни скрывалась.

Такие ракеты официально применялись для оборонительных терактов – например, если некоторый отдаленным политик начинал слишком зарываться. Ракеты бывали разного размера – самые маленькие величиной со спичку, такие были рассчитаны на единичное уничтожение. Самые большие – величиной с тубик питательной пасты.

Такие могли уничтожить целый район с населением, зданиями и коммуникациями.

Тысячи и тысячи спутников, роящихся над планетой, позволяли быстро засечь любой объект и не выпускать его из под наблюдения. Любое существо или устройство, на которое наводилась ракета, было абсолютно отбращено. Но монстр, по данным предварительных наблюдений, имел достаточно совершенные системы защиты и нападения – некоторые из них были столь необычны, что земные конструкторы не имели о таких представления. Монстра надлежало вначале изучить, а уже потом уничтожить. Так и только так.

Кроме того, монстр возникал из ничего, а точнее, его яйцо выросло из почвы – почвы, зараженной разложившимися телами изменчивых. Не исключено, что эта зараза рано или поздно проникнет на материки и монстры начнут расти на полях и в лесах, как грибы. Значит надлежало выяснить механизм самозарождения монстра. Были и другие, чисто технические задачи.

После анализа проблемы, семь минут после отправления запроса, задача была решена однозначно: вначале изучить монстра, а лишь потом уничтожить. Только так и не иначе. Человека с браслетом это не вполне устраивало, но его мнением никто не интересовался.

– Ну вот, поздравляю вас. Мы беремся за это дело.

– Пока вы будете его изучать, – сказал Хост, – он сожрет половину моего острова.

– Я вас понимаю, – ответил Коре. – Если вы не хотите сотрудничать, мы все сделаем сами.

Хост Хо вышел в холл. Он был в таком бешенстве, что неточно ткнул карточку-пропуск и дверь не открылась. Он ударил преграду, но кулак мягко увяз в невидимом силовом поле. Пришлось вернуться и вставить карточку снова.

Гудела голова и тонко звенело в ушах – нельзя нервничать, нельзя, – подумал он. Когда его ранили в последний раз, мало кто надеялся, что он сможет выжить: алконовым лучом ему сбрило часть головы. Несколько недель он провалялся в палате для безнадежных. Позже он просматривал видеозаписи и содрогался при виде воплощаемых его большим мозгом кошмаров – тело корчило щупальца, отращивало огромные бородавки, расплывалось лужами, раздувало одни части и теряло другие, но никак не могло вернуться к человеческому облику. Потом рана начала гноиться, но вдруг зажила, за одну ночь. Но после того Хост уже не смог стать собой, прежним. Он перестал любить лотереи, хотя раньше играл каждую неделю; стал раздражаться, слыша громкую речь, пусть даже самого невинного свойства; стал изводить Алину, которую все так же любил; дважды нагрубил боссу. Сильные боли и звон так и не прекратились. Закончилось это тем, что его сняли с задания, как непригодного, стерли кодировки и секретную информацию, а личную ценность установили на уровне 3,3. Это означало професси-

ональную смерть и медленное умирание в провинции.

Он наконец вставил карточку и вышел на улицу.

– Есть проблемы? – просил дюжий охранник вдогонку.

– Никаких.

Улица была влажной и парящей. За то время, которое он провел в кабинетах и коридорах, утро перетекло в вечер. Облака лежали холмами, подкрашенными сверху.

Одна за другй в небе над городом загорались искусственные звезды – они давно заменили городские фонари. Ровно в полночь звезды выключат и город ахнет, вдруг накрытый настоящими звездами. Как будто прыгаешь в ледяную воду.

Один из небесных светильников мигал, неисправный. Хост засмотрелся и едва увернулся от автомобиля, мелькнувшего синей стрелой. Автомобиль дернулся в сторону и сбил чундрика, игравшего на обочине. Чундрик прокатился и замер, подплывая кровью. Хост почувствовал, что его мутит. Еще одно последствие ранения, еще одна причина непригодности: сейчас он не выносил запаха крови.

Перелет занял час и девятнадцать минут. Летающее крыло шло на высоте ста двадцати километров и на скорости, чуть меньше первой космической. Оно пронеслось в точности над тридцатой параллелью. Крыло скользило по верхней границе атмосферы, как воднолыжник скользит по воде. Внизу проворачивался блестящий черепаший панцирь материка, взблескивая озерами, опутанный паутиной дорог. Перевозочные лайнеры взлетали, парковались на нижней стороне крыла и, прокатившись, планировали вниз, в нужную точку. Транспорт так и не стал совершенен за столетия: далекие путешествия требовали нескольких часов, а кругосветное занимало почти сутки – из-за кривизны Земли. Планету все же нужно облетать, постоянно поворачивая.

В салоне было всего трое: сам Коре; Хост Хо, который спал, прикрыв лицо вуалью (как часто и делают оборотни, не умеющие контролировать себя во сне); и новый наблюдатель, посланный на остров взамен погибшего, того самого, который неосторожно снимал рождение нового монстра. Наблюдатель был очень юн, но имел звание лейтенанта. При необходимости, Коре имел право ему приказывать и использовать его в интересах задания. Наблюдатель был симпатичен, в отличие от оборотней, к которым Коре не мог питать никаких добрых чувств. Нужно будет взять его с собой – хо-

тя бы для того, чтобы не отвыкнуть от человеческих лиц, – подумал он.

Поход, по-видимому, продлится несколько месяцев. Весь остров погружен в леса и оборотни так радеют о природе, что даже не прокладывают дорог. А с тем транспортом, который они имеют, только по дорогам и ездить. Леса замечательны, почти такие же, как на спутнике Сириуса-2, но там нельзя было дышать, а здесь все же можно. Местами высота деревьев достигает семидесяти метров, а под их кронами абсолютно темно. Черные стволы поддерживают черный полог, под которым ни одного живого существа – ни травинки, ни букашки – на переплетенных ветвях слой песка и ила, на высоте метров тридцать, примерно; над илом висячие болота, в болотах полно змей и гадостных неведомых насекомых, а еще выше – буйство зеленых ветвей и яркая пустыня неба. Когда дерево умирает, его ствол сгнивает снизу и продолжает висеть в темноте, держась ветвями за соседей. Черный древесный ад. Последний круг ада для деревьев. Много пещер, гротов и подземных озер. Когда-то все строилось в расчете на туристов. Сейчас ловить монстра в такой чаще все равно, что иголку в стоге сена. Хотя как раз в таких местах монстра ловить не нужно – он не пройдет между стволами. Ему должны быть по душе скалы. Скал на Силенде тоже хватало.

Наблюдателя звали Гессе. Светлые волосы, большие губы, лицо, пожалуй, вялое, но взгляд умный.

– Когда я с ним беседовал, – сказал Коре и кивнул в сторону спящего оборотня, – он мне не понравился. Он пришел к нам Позавчера. Слишком беспокойный и нервный. Совсем не владеет собой.

– Я бы так не сказал, – ответил Гессе.

– А ты умеешь сказать что-то лучшее?

– Да. Посмотрите на его вуаль.

– Я в этом не понимаю.

– Он очень хорошо владеет собой, – сказал Гессе, – большинство оборотней вообще не могут спать в присутствии человека. Те, которые хорошо натренировали свою психику, спят, полностью укрывшись одеялом. И только самые сильные пользуются вуалью. А у него еще и тонкая вуаль. Смотрите, она полупрозрачна.

Вуаль вздрагивала, ощущая дыхание спящего.

– Молодец, хорошо излагаешь.

– Я же прошел курс.

– И как?

– Четыреста девяносто девять и семь.

– Много. Это лучший коэффициент в выпуске?

– Да.

– Приятно встретить умного человека. Их слишком мало осталось, а те, что остались, в основном жулики. Давно закончил?

– В октябре.

Коре встал и, стараясь ступать неслышно, подошел к спя-

щему оборотню.

Полупрозрачная вуаль позволяла хорошо разглядеть нижнюю половину лица. Сейчас рот оборотня был примерно втрое шире обыкновенного человеческого рта.

– Мне всегда были противны эти существа, – сказал он, – хотя они ничем предо мной не провинились. Их можно только пожалеть. Я возьму тебя с собой – просто так, чтобы было с кем поговорить. Если ты мне понравишься и покажешь себя в деле, то возможно я приглашу тебя в группу. Способным людям нечего делать на этом острове, в обществе уродов.

Ему тоже были противны существа с материка. Он не спал, слушая разговор двух людей, которые считали себя нормальными и гордились этим. Эти люди тоже ничем не провинились перед ним. Но именно они, или такие как они, всегда оказывались впереди него – они жили в лучших домах, имели больше прав, они не обязаны были носить браслетов. В руках этих людей была сила, этих людей приходилось просить, упрашивать, объяснять им – а они могли соизволить или не соизволить. Но таков был порядок вещей и Хост Хо не надеялся, что этот порядок может когда-либо измениться. Он наблюдал из-под вуали, из-под полуопущенных ресниц.

Стюардесса прошлась по салону, виляя задницей. В салоне прохладно и на ее заднице гусиная кожа. Стюардессы, как и большинство неквалифицированного персонала обслуживания, обычно ходили голыми, внося разнообразие в скучное ожидание клиентов. Почему бы и не развлечь, если никому от этого не хуже?

Раньше из тех же соображений в стюардессы и секретарши набирали молодых, стройных, длинноногих и симпатичных. Еще раньше наряжали всяческих фрейлин и придворных дам. Теперь нравы упростились.

8

Лайнер оторвался от крыла и, мелодично дзенькнув, исчезли заслонки на окнах. Внутреннее освещение выключилось. «Пожалуйста, режим полной прозрачности», – приказал Коре, надевая видеошлем, принесенный пышногрудой стюардессой, и лайнер вокруг него будто растворился, стал невидим.

Он летел над морем, на высоте километров двадцать-двадцать пять; облака плыли далеко внизу и казались порциями мороженого, разложенными на большом стекле – еще ниже были тени облаков; тени скользили по обширным лесам Силенда – темнозеленые на светлозеленом, а многочисленные мелкие городки были кучками белой гальки, тут и там насыпанными на яркий бархат. Лайнер пролетал над густонаселенной частью острова; где-то здесь находится столица; недалеко от столицы порт. Монстр зародился не здесь, а неподалеку от городка Быстра.

Быстра – город спортивных состязаний. Когда-то там проводился чемпионат планеты по бегу на короткие дистанции. Но то было совсем давно, в эпоху паломничества туристов.

В порту их встречала небольшая группа местных жителей: девушка со слегка восторженным взлядом выпученных глаз, с полуоткрытым ртом, некрасивая, но сразу привлекающая внимание; седой небритый мужчина лет тридцати – судя по

взгляду, не глуп; один бородач, один лысый, человек с перебитой переносицей, subtilный юноша и двое чундриков, толкающих друг друга, еще кто-то в кепке. Несколько человек стояли в отдалении. И тут чундники, – подумал Коре.

– И тут чундрики, – сказал Гессе. – Они с нами пойдут?

Информация:

Так называемые чундрики составляли больше трети населения планеты. В некоторых районах их не было совсем (в Антарктиде, в пустынях северной Африки и на Гималайских Хребтах), а в других они составляли большинство. Чундрики явились закономерным следствием периода бурного промышленного роста Земли, который завершился примерно в середине двадцать первого века. В тех местах, где когда-то размещались развитые государства, чундриков до сих пор оставалось больше всего.

Чундрики были неспособны ни к какой работе; они могли лишь развлекаться и потреблять и делали это самыми примитивными способами. Они были существами полностью лишенными индивидуальной воли и самосознания. Их возникновение было совершенно естественным завершением эпохи промышленных революций.

Когда-то, возникшая в глубокой древности, первая мануфактура постепенно привела к полной стандартизации и унификации товаров: сейчас винт, выкопанный из мусорной кучи где-нибудь в Эскимосии, в точности подходил под гай-

ку, изготовленную пятьдесят лет спустя где-нибудь, например, на Берегу Слоновой Кости. Стандартизация товаров оказалась одним из полезнейших изобретений человечества. Но следующим, вполне логичным шагом, была стандартизация потребителя товара.

Развитие промышленности в двадцатом сопровождалось развитием рекламы; в то время даже существовал некий экономический закон, утверждавший, что рекламные затраты должны составлять половину общих производственных затрат. Именно реклама оказалась первым и самым эффективным средством стандартизации человека.

Однажды возникшая реклама была массовой, а значит, умела пропагандировать лишь одинаковые предметы – и она, конечно же, требовала одинаковых потребителей.

Одинаковые потребители должны быть как можно менее интеллектуальны – это снижает затраты на рекламу. Одинаковые потребители должны стремиться к удовольствиям, к любым удовольствиям, и ни к чему, кроме удовольствий.

Девизом любой рекламы быстро стала фраза «Не размышляй!»

Не размышляй! Мы лучше всех!

Не размышляй! Купи и увидишь!

Не размышляй! Ты уже нашел свое счастье с нами!

Доказано математически, что большинство населения составляют люди средние: средних способностей, со средним

интеллектом и средними потребностями. Массовая реклама могла быть рассчитана лишь на большинство, а значит, лишь на средний вкус. И, для того, чтобы воздействовать на большее количество умов, она должна была создать как можно больше недоумков. Любая умная реклама быстро выдыхалась и вымирала, так как постоянно пилила сук, на котором сидела. Если в двадцатом идеалом рекламного мальчика было нечто на роликах, в непрозрачных очках, с косынкой на голове, в наушниках, со жвачкой в зубах и конфетой в руке, то уже в первой половине двадцать первого эта картина упростилась до свиного рыла с надписью: «Я свинья и на вас плюю». Подобные открытки часто дарили друг другу и искренне веселились при этом. Так как чило дарителей и даримых подобными произведениями было просто неисчислимо, то рекламная информация, напечатанная на обороте, быстро распространялась.

Большая действенность рекламы достигалась тем, что от нее было невозможно укрыться. Вначале рекламой стали прерывать любые интересные трансляции и программы, писать рекламные воззвания на стенах, потолках, полах, на полотнах дорог. Потом реклама проникла и в телефонную связь – как только вы снимали трубку, то сразу слышали рекламное объявление. После этого реклама завоевала все жизненное пространство – она звучала постоянно, на каждой улице, проникала в каждое окно, на каждой автостраде, даже на всех полях и лесах, кроме совершенно необитаемых. Днем

реклама звучала громче, а ночью тише – но не прекращалась никогда. Тишины больше не существовало, люди даже перестали мечтать о тишине потому что не умели представить себе тишину и не понимали значения этого слова.

Реклама звучала над кроваткой новорожденного, звучала под маской аквалагниста, звучала в одиночных камерах смертников. А после этого вышла вперед световая реклама.

С помощью новых оптических технологий удавалось создать любое изображение (плоское или трехмерное), висящее в пространстве. Такое изображение могло двигаться или быть озвученным. Рекламные ролики прокручивались просто в небе над улицами, площадями, лесами, морями и полями. Человек, который прилег отдохнуть на траву, скажем, после прогулки в лесу, читал очередное рекламное объявление, бегущее по облакам или просто по небу, если небо было безоблачным. Входя в собственную туалетную комнату, он видел и здесь рекламную надпись, которую не мог стереть, потому что надпись была написана ни на чем. Но только после этого реклама развернулась по-настоящему.

Она проникла во взаимоотношения людей. За небольшую плату многие брали на себя несложную обязанность: вставлять в разговор рекламные фразы. Такой способ заработка распространился повсеместно. Встречаясь, люди говорили вместо приветствия например, так: «Жвачка N... – океан счастья!» и лишь после этого начинали разговор.

Выпускались лишь те книги, которые требовали среднего

ума и среднего напряжения от читателя – такие книги изрекали средней глубины полустины, играли на средних чувствах и выходили громадными тиражами. Образование стало не только обязательно средним, но и обязательно усредняющим. Телепрограммы и вся громадная система массовых коммуникаций стала размалывать своими жерновами личность, а из осколков личности лепить чундрика – человека, умевшего лишь потреблять. После две тысячи пятидесятого, когда волны рекламы отхлынула, оказалось, что люди изменились и уже больше никогда не станут такими, как прежде.

Идеальный потребитель, человек, потребляющий много, постоянно, и не имеющий излишних претензий – интересующийся лишь скандалами, тусовками, разборками и пр, человек, считающий себя пупом земли (так ему внушили) а потому позволяющий себе все, что положено по этому рангу – мечта любого производителя.

Большинство товаров уже давно полностью производилось и обслуживалось машинами – а громадные человеческие массы, рожденные планетой, стали бесполезны.

Один работающий мог прокормить сотню бездельников. Бездельники сбивались в стаи, крушили, грабили, убивали, выбрасывали награбленное, потому что в нем не нуждались. И лишь массовая реклама решила проблему лишних людей, превратив их в чундриков.

Типичный чундрик не нарушал общественного порядка, немного умел читать и считать, не имел мыслей, веры, идей,

религии, убеждений, нравственности, верил любой рекламной информации. Он постоянно приобретал и выбрасывал приобретенное.

Его занятием в течение всей жизни было развлечение самого себя, но даже к этому занятию он относился без всякого рвения. По шкале ММИНЕ чундрикам приписывалась нулевая ценность. Убийство чундрика не каралось законом, да, впрочем, и знакомые убитого – тоже чундрики – ни капли не огорчались. Внешне чундрик был легко узнаваем – по своему поведению: ни одна часть его тела не оставалась в покое.

Чундрик постоянно что-нибудь дергал, отрывал, толкал, царапал, пихал и т. д.

Большинство чундриков были вполне социальны и любили сбиваться в маленькие стада, где дергали, толкали, царапали и пихали друг друга. Иногда они затевали простые игры, часто со смертельным исходом. Одиночества чундрик совершенно не выносил.

Двоих чундриков, появившихся в порту, звали Дын и Петка. Они увязались за экспедицией, потому что им было все равно в какую сторону идти. Если бы они встретили по пути большую группу людей, то пошли бы с ними, так как любили большие толпы. Но по пути никого не встречалось. Отряд прошел полосу черного леса, где сам воздух был черным – таким, что не протыкался лучом прожектора; потом два дня двигался сквозь травы в два человеческих роста вы-

сотой. После трав было два островка скал, а за ними мертвый стеклянный лес – последствие последнего из экспериментов по привлечению туристов. Именно здесь генные инженеры создали и рассадили прозрачные деревья, которые были живыми, но радужно преломляли свет. Но туристы исчезли и эксперимент прекратили. Стеклянные деревья умерли и теперь стояли тихие, с осыпавшимися ломкими ветками и между стволами пел ветерок. После стеклянного леса начинался заповедник.

Экспедиция была пешеходной, но не потому, что не было нужной техники, а потому, что по пути приходилось проходить через пространства природы, совершенно нетронутой человеком. Большую часть груза вез на себе бесконтактный челнок «Гномик». Изменяющиеся ценили природу, потому что ничего лучшего не имели.

Колесный транспорт в заповедник не пропускали.

Вначале чундрики раздражали Коре своими играми в прятки, перебежками, громким смехом, выкриками и прочим. В первый день похода он даже пригрозил им оружием, но чундрики угрозы не испугались. Во вторую ночь Дын проткнул надувную палатку, где все прятались от дождя, и Коре выгнал его под дождь. Дын притих и съезжился. Но остальные тоже промокли. В наказание Хост Хо предложил заставить чундриков нести двойной груз, но это было бессмысленно, так как чундрики бы бросили в лесу любой груз, даже тот, от которого зависела бы их собственная жизнь. После того, как

Петка выбросил в ручей три пары обуви, было решено заставить чундриков работать насильно. Им связали руки за спиной (чему они не очень сопротивлялись) и привязали каждому на спину поклажу. Чундрики сели в траву и стали бодать друг друга лбами. Их подняли, связали веревкой и пробовали тащить, но они ложились и дрыгали ногами. Пробовали бить, они плакали, но все равно не шли. Бросить же их в лесу означало обречь на верную смерть – оказывается, в лесах Силенда водились хищники, не настоящие, но по-настоящему хищные. Это было новостью даже для Коре.

Первого хищника он подстрелил однажды на рассвете – то была большая кошка, на которую он наткнулся в тумане. Кошка никогда не встречала вооруженного человека, а потому была уверена в своем превосходстве и ни капли не боялась.

Кошка даже не спешила нападать. Он осмотрел зверя: почти два метра от усов до кончика хвоста. Шерсть длинная и мягкая как пух, рыжая с белым. Волоски чернеют на концах. Пахнет зверем. На влажном песке оставались следы и Коре пошел по следу. Метров через пятьсот он пришел к низкой пещерке под большим мшистым камнем и заглянул в нее. В пещерке никого не было. Когда он двинулся назад, оказалось, что за ним идут трое детенышей. Зверьки были такими симпатичными, что он не решился их сразу застрелить. Еще несколько дней котята шли за людьми, выпрашивая подачки, пока чундрики не задушили зверьков. Кроме кошек, в лесу

было много более мелких зверей, напоминающих рыжих собак. В отличие от настоящих, эти собаки никогда не лаяли. Хост Хо утверждал, что они очень опасны. Собаки имели длинные мягкие уши, несоразмерно широкие рты с длинными и прочными зубами. Такими зубами они без труда перекусывали довольно толстые ветви. Двигались собаки очень быстро и рывками, как не слишком совершенные роботы – правда, Хост Хо уверял, что они совсем настоящие и живые.

Такие собаки всегда во множестве водились в окрестностях городов, они питались всем, что оставлял человек, иногда проникали в дома на окраине и поедали жителей. В одиночку они никогда не нападали, но стаей могли съесть крупное животное меньше чем за минуту, вместе с костями. Иногда над тропинкой пролетали большие птицы, иногда появлялись следы, непонятно кому принадлежащие, но Коре вскоре перестал обращать на это внимание. Ко всему постепенно привыкаешь.

Единственная, к кому он никак не мог привыкнуть, была женщина.

В экспедиции участвовало четырнадцать человек, включая чундриков.

Тринадцать мужчин и одна женщина. Двое чундриков, два человека с материка Хост, юноша не очень приятной наружности, человек с проломленной переносицей, человек в кепке, человек, которого звали Мастером, один лысый и один бородатый.

Коре не интересовали имена всех этих существ. Женщину звали Кларисса. Гессе определил ее как «секс-бомбу с часовым механизмом». Он не ошибся.

Она была некрасива по любым меркам. Мускулистые ноги и руки, выпученные глаза, настоящие оптические очки (большая редкость по нынешним временам, Гессе даже не понял, что он видит, когда очки блеснули на солнце) – и почти нулевое зрение даже при помощи очков. Когда она разговаривала с кем-то, а разговаривать она любила, то становилась близко к собеседнику, чтобы видеть его лицо – то есть предельно близко. И в этот момент мужчина начинал слышать тикание этой бомбы.

В ней было наваждение: чистая концентрированная половая энергия, наличия которой она сама не сознавала. Большинство мужчин – те, кто вечерами болтали на такие темы, сознавались, что подобного они никогда не переживали. Ее

близость ощущалась как предельное наслаждение, но стоило Клариссе отойти на несколько шагов, как всякое колдовство исчезало и она становилась обыкновенной дурнушкой.

Некоторые пробовали добиться от нее чего-то большего, чем просто стояния рядом и неосознанных прикосновений, но она искренне не понимала в чем дело. Однажды Хант, один из мужчин экспедиции, не выдержал и решил применить силу. Кларисса подняла страшный крик и весь остаток дня пришлось не сходить с места, потому что она плакала в своей палатке. После она рассказала о произошедшем Коре, со всеми подробностями и невинно поинтересовалась, чего же собственно, хотел от нее мужчина. Коре распросил ее подробнее. Оказывается, ее растили в полном неведении, опасаясь, как бы черезчур мощная сила не вышла наружу. Коре запросил информацию по сийеру и убедился в том, что уже предполагал – Кларисса была представителем последней волны тех оборотней, которых рождали для сцены.

Она была рождена для эротических шоу, но уже вскоре после своего рождения оказалась бесполезной – эротика перестала особо волновать людей, так как они нашли более сильный источник удовольствия – электрическую стимуляцию мозга. В отличие от древних наркотиков, стимуляция была совершенно безвредна.

Новорожденная Кларисса попала в приют и ее сразу же усыновили. Всю свою сознательную жизнь она провела на Силенде в семье, состоящей из двух старых дев и механиче-

ского пеликана по кличке Свизи. В силу полученного воспитания она не интересовалась мужчинами, и вообще взаимоотношениями полов. Коре запросил ее менкарту и экран выдал полный список ее кодировок. Конечно же, она была закодирована от всего, что имело хотя бы малейший оттенок сексуальности. Она не видела и не понимала очевидных вещей. Но ее тело было сконструировано иначе – тело хотело, боролось и ждало, и когда-нибудь оно сможет победить в этой борьбе.

Против такой энергии не выдержит никакая кодировка. Нужен лишь мужчина, который сможет разгадать код. Это не так просто, но это возможно. Любой код, созданный человеком, может быть человеком и разгадан. Тогда произойдет взрыв. Гессе был совершенно прав, когда говорил о бомбе с часовым механизмом. Две старые девы, одну из которых Кларисса называла матерью, оказали девочке плохую услугу.

– Но почему же он это делал? – не унималась Кларисса.

– Есть хочешь? Возьми таблетку.

Таблетки были питательны и замечательно вкусны. Каждую можно было жевать примерно с четверть часа. Самая лучшая энергетическая таблетка обеспечивала жизнь человека в течение суток. Очень полезно в дороге.

– Спасибо, – она положила таблетку в рот и принялась жевать.

– Но почему же?

– Просто у него было такое настроение, – ответил Коре, – у мужчин бывает такое настроение. Могу тебе посоветовать

одно: не подходи к мужчинам ближе чем на метр и все будет в порядке.

Был поздний вечер и они сидели, греясь у инфраогня. Огонь полоскал свои медленные языки внутри толстой прозрачной пластины, излучая свет того оттенка, для которого нет слов в человеческом языке: нечто между голубым и ярко-серым, но совсем не голубое и совсем не серое. Этот свет был достаточно ярок для любых работ и занятий, но уже в десяти шагах становился неотличим от темноты. К тому же, большинство хищников панически боялись инфрасвета, поэтому он служил прекрасной защитой от ненужных ночных посетителей.

– Не подходи к мужчинам ближе чем на метр и все будет в порядке, – сказал Коре.

Она задумалась о чем-то и продолжала сидеть молча. Голубые блики перетекали на влажной выпуклости больших глаз, зрачки расширились до предела и взгляд ощупывал ничто, не останавливаясь ни на чем, кроме невидимо представляемых образов. Длинные редкие ресницы. Лицо в ветвистых прожилках, как карта – инфрасвет по-разному отражался от поверхностей с разной температурой: те участки кожи, под которыми проходили сосуды, казались темными, потому что были теплее. Коре поймал себя на том неприятном ощущении, что жует с нею в такт и попробовал сменить ритм, но не смог. Гипноз женского лица в ночи.

Особенно эти большие зрачки – какие-то системы глаза воспринимают инфрасвет как полную тьму и расширяют зрачок, от этого свет кажется ярче, чем он есть.

Он не мог отвести глаз от ее лица. Взгляд гладил каждый замеченный бугорок – вот горбинка на носу, незаметная днем, широкая линия ноздрей, провал под глазами, левая щека в темноте; кожа покрыта легким пушком и пушок тоже не виден днем – он вдруг почувствовал движение времени. Время медленно проплывало мимо, оно состояло из больших прозрачных пластов и глыб; пласты уходили во тьму бесконечно прошедшего, когда кто-то другой так же сидел у настоящего огня, неспособный отвести взгляд от женского лица. И он был мною и я есть он – куда и откуда забросило меня это медленное течение? Сколько раз я уже сидел вот так и сколько еще раз буду сидеть? Он вдруг понял смысл времени. И это было так просто, что даже не могло быть выражено словами, это было гораздо проще любых слов и знаков, это даже проще тех томлений и неясностей, которыми мучится мозг зверя – это доступно лишь деревьям, скалам, мертвым звездам, хаосу, пустоте...

Мы все пойдем это – когда умрем, или в бесконечно малую долю мгновения перед смертью – может быть этот взблеск есть оправдание смерти? Просто женские глаза.

И все это лишь инстинкт продолжения рода? И даже этот черный свет из ее зрачков?

– Что вы так смотрите? – спросила она.

– И также не позволяй мужчинам долго смотреть на себя.

– Хорошо. У меня сейчас было такое странное чувство. Я даже не знаю, как сказать – как будто я вечна и как будто я растворена во всем... Вы понимаете?

– Нет.

Монстр постоянно находился поблизости. Каждый день они находили его следы.

Дважды они проходили через разрушенные и сожженные поселки. В поселках не оставалось ничего живого, они напоминали черный лес без деревьев: серо-черная земля и ни травинки, ни бабочки. Третий поселок был разрушен лишь наполовину, здесь монстр старался не так сильно – над развалинами две пестрые бабочки кружили, подпрыгивая при каждом взмахе крыльев. У сохранившегося дома плетень из настоящих веток. Коре специально подошел и удостоверился. Палки просто вбивали в землю потому что торец каждой был расплюсчен ударами. Как в каменном веке.

– Я бывал здесь, – сказал Хост Хо.

– И что же?

– Ничего. Просто люди здесь жили. Нам нужно идти быстрее. Я возьму немного земли.

Он подошел к ограде, отломил палочку и поковырял землю. Собрал землю в пакет.

– Можно сделать анализ на месте, – сказал Коре.

– Это не для анализа. Я просто хочу иметь эту землю с собой. Чтобы помнить.

Мышление всех примитивных людей насквозь тотемично, – подумал Коре. – Они так и не выросли из детских ска-

зок: дурачок убьет дракона, нищенка превратится в принцессу, предсказание сбудется, добро победит, комочек родной земли поможет.

Один раз они нашли большой серый трансформатор с оборванными проводами, вывороченный из каменного основания и проволоченный сквозь джунгли. Высокого напряжения монстр не боялся. В другой раз они несколько часов шли вдоль элекролинии, считая поваленные столбы. Монстр старался; он не пропускал ни одного. В его действиях не было логики или системы – он просто уничтожал все, что замечал. Как-то поутру они нашли груды костей. Кости были разбросаны в беспорядке, но некоторые из них казались человеческими. То, что начал СМ, закончили собаки – мелких костей не было вовсе, а крупные обглоданы до чистоты или раздавлены мощными зубами. Хост подошел к груды и присел на корточки. Он перебирал в руке несколько осколков и вдруг покачнулся и повалился на спину.

Он пришел в себя через несколько минут.

– В таком состоянии, – сказал Коре, – вам не стоило затевать поход. Если все так плохо, можно запросить помощь и отправить вас на материк. У нас умеют лечить все.

– Это ничего. Это просто запах. Я не переношу запаха крови.

– Тем более вам нечего здесь делать.

– Это никому не будет мешать.

Они не двигались с места еще несколько часов. Нужно

было похоронить останки и оставить памятный знак.

Засечь его местоположение было несложно. Коре имел многофункциональный сервер, связанный со спутниковой системой наблюдения. Достаточно было набрать запрос и спутник точно сообщал, где находится цель. Спутник мог даже показать монстра, бредущего сквозь лес или спящего на холме; компьютерные системы спутника могли различить деталь размером с ноготь мизинца. Собственно и сам монстр мог быть уничтожен спутником, если бы в этом возникла сверхестественная потребность. Впрочем, задание было вполне четким: изучить и уничтожить.

Главная задача состояла в том, чтобы выяснить все особенности этого существа: как и почему оно возникает, какими системами нападения, обороны, наблюдения и регенерации пользуется и в последствии использовать полученные знания в военных целях. Если бы СМ4 был бы просто уничтожен сейчас, то появления следующего пришлось бы ждать несколько лет.

Монстр прекрасно ощущал приближение людей. Как только люди останавливались, он останавливался тоже. Когда отряд шел в обход, он ждал или бродил, меняя направление. Иногда он уходил, но не слишком далеко, и всегда возвращался. Он мог бы легко оторваться от преследования, но он этого не делал. Он мог бы напасть сам, но этого он не

делал тоже. Судя по его маневрам, он был очень разумен и наверняка превосходил разумом обычного недалекого человека.

– Иногда он меня пугает, – сказал Коре, – он наверняка знает, что делает.

И ему что-то нужно от нас, иначе он бы ушел.

– Но ведь он не нападает? – возразил Гессе.

– Когда-то, когда еще не было компьютеров, была такая игра – шахматы.

Компьютеры ее убили, потому что смогли играть сильнее людей. Я как-то видел демонстрационную партию. Две машины нападали друг на друга, но на доске это выглядело так, будто фигуры движутся бесцельно. И сколько я ни смотрел, я не мог понять, в чем же заключается нападение и где же опасность. А потом единственный удар – и противник сдался. Еще была такая система фектования на саблях, называлась Кош-Каш, когда два мастера чуть соприкасались клинками и ходили по кругу. Я тоже это видел. Совершенно безобидное позванивание металла – и потом смертельный удар. Очень похоже на то, что сейчас делает он.

– Но это значило бы, что он искуснее нас.

– А почему ты уверен, что это не так? Он прекрасно понимает, что мы следим за ним. Он мог бы скрыться от спутника и уйти через пещеры, в крайнем случае.

Это бы его не спасло, но отдалило бы развязку. Но он не хочет уходить. Я не уверен, что это мы охотимся за ним.

- А кто-же?
- Он за нами. Или мы с ним ведем игру на равных.
- А если он на самом деле захочет уйти от спутника?
- На этот случай у меня есть мушки.

Монстр лежал, возвышаясь спиной между деревьев. Его глаза были прикрыты, но смотрели внимательно. Глаза следили за желтой собакой, которая подошла неосторожно близко. Собака не боялась, так как не видела в монстре живого и опасного существа – он был слишком огромен и слишком вне ее опыта. К тому же, он не пах жизнью. Собака подошла, понюхала и подняла лапку; монстр накрыл ее когтями. Подцепив ее на роговое острое когтя, он поднес собаку к пасти.

Животное еще было живо и ритмично кричало, дергаясь на крюке. Монстр втянул воздух огромными ноздрями. Этот запах. Этот сладкий, кружащий голову запах.

Больше всего СМ любил запах крови.

Он придавил собаку зубами и выжал из нее столько крови, сколько только мог.

Потом выплюнул оставшееся и потерял мордой о большой камень. Лег на бок и выгнул шею, выставляя ее на солнце. Он был серьезен, но сейчас ему хотелось поиграть. Как прекрасен этот мир, в котором столько крови – он перевернулся на спине и повалил несколько неудобно растущих деревьев. Запах крови сводил его с ума.

Повалявшись, он стал играть остатками животного. Потом забросил остатки на дерево. Изуродованное тельце по-

висло на ветках. Из него еще капала кровь. Вот из лесу вышла еще одна собака и принялась. Ей тоже нравился запах крови. Она подошла к дереву и стала смотреть на пищу, которая висела слишком высоко.

Показались еще несколько – собаки собирались на запах. С виду они были совсем не злые и до смешного длинноухие. Когда они попрыгивали, пытаясь достать мясо, уши разлетались в стороны и хлопали их по щекам. Собак становилось все больше и больше. Монстр неподвижно лежал у высокой скалы, полуприкрыв глаза. Он смотрел внимательно, просто смотрел, смотрел, смотрел на прыгающих животных. Вот одна из собак упала и другие сразу набросились на нее. Запах крови стал сильнее.

Его ноздри расширились. Под деревом уже собралось несколько десятков собак.

Сильные задирали слабых и сами слабели, падали, становились добычей вновь подошедших сильных. Трава вокруг привяла и пожухла. Дерево начало ронять листья, будто взгляд чудовища превратил лето в зиму. А монстр все смотрел и смотрел. Трава из желтой стала коричневой и совсем почернела. Дерево начало ронять кору. Земля стала черной и мертвой. Собаки, привлеченные запахом пищи, не замечали опасности.

Он просто лежал и смотрел.

Когда отряд подошел к этому месту, здесь уже не было ни СМ, ни живых собак.

Десятка два собачьих тел лежали под деревом, одно на другом. На телах вылезла шерсть, глаза были выпучены, у пастей пенилась слюна. Дерево стояло голым и мертвым. На полосе земли метров в шесть шириной не осталось ни одной живой травинки. Невдалеке лежала умирающая собака, которая не сумела уползти. Собака была коричневая с белым, с несимметричной сединой у носа, очень короткошерстная.

Она лежала, неудобно подогнув переднюю лапу; ее ребра вздрагивали время от времени – казалось, что собака кашляет. Кончики ушей свешивались вперед и чуть-чуть дрожали. Собака дремала, опуская нос, тыкаясь носом в землю, снова приподнимая нос. Ее мордочка была острой и длинной, напоминающей крысину.

Скэтт подошел и наклонился над мертвыми собаками. Потом посмотрел на ветку, где еще висела первая жертва.

– Яд, – сказал он.

Скэтт гордился своей наблюдательностью и умением пронащать природу вещей.

– Почему яд?

– Это очень просто: тела совсем свежие, они не пахнут, а выглядят так, как будто пролежали неделю. Значит, их отравили.

– А ты как думаешь? – спросил Коре.

– Радиация, – ответил Гессе, – наверняка направленный луч. Можно даже определить из какого места стреляли. Угол расхождения градусов семь-восемь. Вон оттуда, из-за скалы.

Но если бы на острове было радиационное оружие, мы бы об этом знали. Здесь что-то не сходится.

– А если это СМ?

– Здесь стреляли с большого расстояния. Живое существо не может быть настолько радиоактивным, оно убьет само себя.

– Он не живое существо.

– А кто же?

– Я бы сказал, что он противоположность жизни.

– Никакая протиположность не может воспользоваться радиационным лучом так, чтобы не поднялась паника на материке. Поэтому я и говорю, что что-то не сходится.

Большую часть груза они поручили автоматическому транспортному устройству ТИ-4, обычно называемому «Гномиком». Гномик представлял собой узкую гибкую платформу, длиной около двух метров. На дне платформы какой-то шутник намалевал гномика. Аппарат был старым и имел много других, уже почти стертых рисунков.

Платформа двигалась над землей примерно на уровне пояса человека среднего роста.

Она автоматически скользила за людьми на том расстоянии, на которое была настроена. Не оставляла колеи, не мяла траву и цветы, не царапала деревья, не загрязняла воздух отходами. Правда, много груза Гномик нести не мог – не больше полутора тонн. На него нагрузили пищевые запасы – в основном таблетки, немного чистой воды, резерв, на тот случай, если атмосферные конденсоры выйдут из строя, и большую часть приборов. Довольно много груза распределилось на рюкзаки. Даже женщина взяла кое-что. Чундрики ничего не взяли – да и доверять им нельзя было ничего.

Несколько раз собаки подбирались и нападали на Гномика, но потом усвоили, что он совершенно несъедобен. Когда отряд переходил на незнакомое место, новые собаки начинали выслеживать Гномика, но вскоре прекращали. Его борта были сплошь в царапинах от собачьих зубов. Однажды один

особо настойчивый пес повис на борту Гномика и волочился за ним до тех пор, пока чундрик не убил его, ударив по голове камнем. Пса он повесил на дерево, по примеру монстра, и стал ждать, когда сбегутся сородичи. Прождав минуту, он наскучил ожиданием и ушел.

Кости собак лежали буквально на каждом шагу. На старых стоянках монстра костей бывало столько, что из них можно было бы насыпать курганчик.

Монстр питался только мясом. Несмотря на свои внушительные размеры, он ел мало – за день ловил десятка три собак. Он шел от поселка к поселку, но не находил там жителей. Жители, предупрежденные заранее, уходили сквозь лес; многие становились жертвой хищников, но большинство спасалось. Район примерно в пятьсот квадратных километров теперь был почти безлюдным. СМ ни разу не подпустил людей на расстояние прямой видимости и ни разу не ушел дальше двенадцати километров по прямой. Когда люди останавливались на привал, монстр останавливался тоже. Он ждал. Ждали и люди; но люди уже устали ждать. Они устали ждать и идти. Останавливаясь на привал, они быстро глотали таблетку, ложились и засыпали, не прикрывая лиц и тел. Гессе просыпался ночами и ходил по ночному лагерю, совершенствуя свои профессиональные знания. Иногда он подолгу сидел у какого-нибудь из тел и смотрел, как оно превращается. Чундрики лежали как бревна – чундрикам не снились сны. Трое из мужчин во сне бредили эротикой, лицо

Хоста всегда вытягивалось и становилось похожим на морду ящерицы, Кларисса меняла физиономии, оставаясь такой же некрасивой. Мастер просто открыл глаза и спросил наблюдателя, чего ему нужно.

– Собственно, ничего.

– Тогда почему не спишь?

– А ты почему?

– Я думаю, – ответил Мастер.

– Думать надо днем.

– А у меня ночные мысли.

– Это какие же?

– Длинные, обо всем.

– О нем?

– О нем? Нет, о нем – нет. Он сам о нас подумает. Я думаю о людях. У людей ведь есть уровень – точно? Это не ум, не сила и не личная ценность. Большинство – просто ничтожества, на них противно смотреть, с ними противно говорить или стоять рядом. Такие сразу видны. А другие не безнадежны. Наверное, есть такие, которым стоит подражать – я, правда, их не видел. Я думаю почему так, и как найти критерий. Еще я думаю, правильно ли это и стоит ли изменять соотношение.

Если я прибавлю к живым одного, который должен умереть – изменит ли это что-нибудь или не стоит стараться?

– Кого ты собираешься прибавить к живым?

– Тебя.

– Я еще не умер.

– Но все к тому идет.

– Я пока не замечал чтобы что-то куда-то шло.

– Ты знаешь что-такое шахматы или стиль Кош-Каш?

– Это такие системы, где ты не видишь опасности до тех пор, пока не станет слишком поздно.

– Завтра мы пройдем невядалеке от покинутого дворца. Пойди туда и запомни все, что там увидишь. Придет время и все пригодится.

– Откуда ты знаешь, что будет завтра?

– Это так же просто, как продолжить числовой ряд. И это так же сложно объяснить тебе, как объяснить кошке устройство дверного замка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.